

СЕРГЕЙ ВОЛОГОДСКИЙ

ЧЕТВЕРО
Плоть и кровь

18+

Сергей Вологодский
Четверо. Плоть и кровь

«Автор»

2026

Вологодский С. Н.

Четверо. Плоть и кровь / С. Н. Вологодский — «Автор», 2026

Храм Астарты последний оплот свободы в империи, где плоть стала молитвой, а страсть оружием. Четверо жриц, каждая со своим смертоносным искусством: Серафина отражает желания врагов сквозь зеркала своей души, Веста выжигает гнев очищающим пламенем, Люмина крадёт тайны из мира снов, а Моргана платит годами жизни за каждое исцеление. В ночь священного ритуала Объятие Богини грядущая беда приходит к ним во сне. Инквизитор Вектор идёт по их следу, чтобы уничтожить не просто жриц, а саму природу желаний. Когда армия Императора-Девственника сжигает храм дотла, Четверо остаются ни с чем без крова, без жрецов, без будущего. Спасаясь в катакомбах, они заключают запретный союз Кровавую Связь. Теперь их жизни переплетены: если падёт одна, умрут все. А их последний спутник, молодой жрец Кассий. Чтобы выжить, им придётся торговать своей плотью в Саду Тысячи Наслаждений, восстать против гарема Императора. Иллюстрация создана в Chat GPT

© Вологодский С. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1: Храм плоти	5
Глава 1: Объятие Богини	6
Глава 2: Искусство Пламени	9
Глава 3: Совет	14
Глава 4: Цена Жертвы	18
Глава 5: Пламя и пепел	21
Часть 2: Кровавая связь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Вологодский

Четверо. Плоть и кровь

Часть 1: Храм плоти

«Плоть помнит то, что разум предпочел бы забыть. Желание — не грех и не добродетель. Оно — язык, на котором боги говорят с теми, кто еще не научился слушать. Когда храмы падают, остаются только тела. Когда тела сгорают, остается только связь. Когда связь рвется, остается только память. А память, как кровь, не высыхает до конца»

Глава 1: Объятие Богини

Наступил вечер. Солнце уже село, и в высокие окна вливался лунный свет, разбиваясь о зеркальные стены на сотни бликов. В Зале Зеркал Храма Астарты четыре жрицы готовились к ритуалу.

Серафина, верховная жрица, лежала на алтаре. Он был вырезан из цельного куска чёрного камня. Его привезли из далёких гор, где, как говорили, до сих пор живут духи, не признающие богов. А вопреки всему он служил ей. Серафина смотрела в зеркальный потолок и видела там своё отражение: свои распущенные волосы, спокойное лицо и руки, вытянутые вдоль тела.

Рядом стоял Арей, верховный жрец. Он был старше Серафины на десять лет, в его чёрных волосах уже появилась седина, но руки были твёрды и сильны. В других углах Зала стояли остальные жрецы и жрицы. Кассий, совсем молодой, с ещё не угасшим румянцем на щеках, — ждал Весту. Тиберий, молчаливый и хмурый, стоял у алтаря Теней, где уже лежала Люмина. Люций, самый старый из жрецов, чьи руки помнили ещё тех жриц, которых давно уже не было в живых, склонился над Морганой.

— Уже все готово, начинаем, — произнесла Серафина.

Её голос разнёсся по Залу, отразился от зеркал, умножился, и на миг показалось, что в Зале не одна, а сотни верховных жриц произнесли эти слова.

Веста рассмеялась. Она всегда смеялась перед ритуалом, в её смехе не было насмешки, одна лишь лёгкость, которую жрица одна умела сохранять среди всех.

— Ты всегда такой серьёзный, — сказала Веста Кассию. — Как будто мы идём на войну.

Кассий не ответил. Молодость делала его неуклюжим. В ритуалах он участвовал всего три раза и поэтому не знал, куда деть руки. Веста взяла их сама, положила себе на плечи, и жрец выдохнул.

Арей коснулся плеча Серафины. Верховная жрица закрыла глаза. Холод Алтаря напоминал о том, что они живы, что тело ещё чувствует, что граница между миром людей и миром богов ещё не стёрлась.

Арей вошёл в неё. Серафина приняла его естество, как полагается Верховной жрице. Это был древний ритуал, как и сам храм. Через него приходила сила, через него обновлялась связь с богиней, через него жрицы становились тем, чем должны были быть — проводниками между землёй и небом.

В углу Зала, где находился алтарь Теней, на камне лежала Люмина с открытыми глазами. Взгляд был устремлен в потолок. Тиберий склонился над ней и шептал слова. Они не имели никакого смысла, но только для тех, кто не был посвящён. Жрица Лунного пути смотрела в потолок, сквозь зеркала, туда, где начинался мир снов. Её губы шевелились, произнося что-то в ответ.

У алтаря Крови Моргана лежала неподвижно. Люций чертил на её теле знаки — тонкие линии, которые на коже выглядели как шрамы, но не оставляли следа. Он делал это медленно, с той тщательностью, которая приходит только с годами, и Моргана не вздрагивала, хотя знаки эти были большими, как прикосновение раскалённого железа.

Ритуал длился долго. Серафина чувствовала, как сила входит в неё, как заполняет тело, как поднимается от земли через алтарь, через Арея, через неё — и уходит в потолок, в зеркала, в ту бесконечность, где жила богиня.

Потом всё кончилось.

Арей отстранился, и Верховная жрица открыла глаза. Она лежала неподвижно, посмотрела в потолок, и увидела своё отражение. Усталый взгляд, распущенные волосы, покрасневшая кожа на бёдрах, пот на теле. Через некоторое время зеркала потускнели, и отражение пол-

ностью исчезло. Серафина подумала, что это хорошо. Пустота означала, что богиня приняла жертву и дала силу.

— Всё, — сказала Серафина. — Ритуал закончен.

Веста уже стояла, поправляла волосы. Кассий рядом с ней выглядел так, будто только что проснулся. Моргана медленно поднялась, приняв помощь от Люция, хотя она могла встать и сама. Люмина сидела на краю алтаря Теней. Рядом стоял Тиберий, держа в руках одеяние Жрицы Лунного пути. Она смотрела на него, взяла платье стала медленно натягивать его на вспотевшее тело.

— Всем спасибо! Сегодня мы укрепили нашу связь с Астартой, — сказала Серафина.

В храме наступила ночь. Серафина лежала в своей келье и смотрела в окно. Луна уже зашла, и за стенами храма было темно, только звёзды висели над крышами города — холодные, далёкие, равнодушные.

Она думала о ритуале. Всё прошло как всегда, но складывалось чувство, будто кто-то наблюдал за ними. Верховная жрица не могла сказать, кто именно. Но этот кто-то испускал тёмную пугающую силу, которая была намного мощнее, чем когда-либо чувствовала Серафина. Кто-то стоял в тени зала. Кто-то смотрел. Такую силу излучали лишь одни инквизиторы.

Жрица прогнала эту мысль. Инквизиторов уничтожили десять лет назад в Битву за Храм Изобилия. Серафина сама видела их тела, сама ходила по пепелищу, сама помогала хоронить павших жриц. Инквизиторов больше не было. Они все погибли в той битве.

Серафина закрыла глаза и уснула.

Люмина проснулась от крика. Свой ли это был крик или чужой, она не поняла. В келье было темно, и тишина стояла такая, что слышно было, как ветер шуршит за окном. Жрица Лунного пути села на постели. Простыни были мокрыми. Сердце колотилось так, что казалось, сейчас разорвёт грудь.

Она встала, накинула на плечи одеяло и вышла в коридор.

Келья Серафины была в конце коридора. Люмина постучала и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь и вошла.

Верховная жрица уже не спала. Сидела на кровати, и в её руке горела маленькая масляная лампа, которую она зажгла, услышав шаги.

— Мне приснился сон, — сказала Люмина.

Серафина молчала, ждала продолжения.

— Там был человек. Инквизитор. Он назвал себя Вектором.

Верховная жрица не шелохнулась, но Люмина видела, как побелели её пальцы, сжимающие лампу.

— Он сказал, что завтра мы умрём. Все четверо.

— Инквизиторы мертвы, — сказала Серафина. — Их убили десять лет назад. Я сама видела это. Я была там.

— Но я не выдумываю!

Верховная жрица поставила лампу на стол и подошла к двери, выглянула в коридор.

— Веста! — позвала она. — Моргана!

Веста прибежала первой. В её руке горел маленький огонёк, исходивший от её ладоней.

Моргана, кутаясь в тёмный плащ, шла медленно. Она вошла в келью. Молча прошла мимо сестёр и села на край кровати. Стала ждать.

Люмина рассказала им всё: как она шла по пустому Залу, как зеркала были пустыми, как он стоял у алтаря, как у него не было лица, как он назвал себя и как сказал, что завтра они умрут.

— Инквизиторы мертвы, — сказала Серафина, когда Люмина окончила рассказ. — Мы знаем это. Каждая из вас сама хоронила тела.

— А если нет? — спросила Веста. — Если кто-то выжил?

Моргана молчала. Она сидела неподвижно со спокойным лицом, но Серафина знала, о чём думает сестра. Жрица Крови вспоминала ту битву, прокручивала у себя в голове каждый момент, который запомнила.

— Он сказал «четверо», — сказала Люмина. — Ему не нужен храм или пленницы. Ему нужны только мы. Ему нужна наша смерть.

Серафина подошла к окну и открыла ставни. За окном простиралась ночь, ярко светили звёзды. Город мирно спал. Там, где-то в темноте, мог стоять человек и наблюдать за ними, наблюдать за городом. А могло никого и не быть.

— Завтра, — сказала Серафина. — Завтра всё обсудим. А сейчас всем спать.

Верховная жрица повернулась к сестрам.

— Нас четверо, — сказала она. — Мы сила и жизнь этого храма. Утро вечера мудренее. Завтра нужно поднять все свитки и посмотреть список похороненных инквизиторов. И готовиться к любому развитию событий. Инквизитор не решится один вторгнуться сюда. Это будет для него гибелью. Значит, Вектор собирает войско или уже собрал. Если так, то нам нужно готовиться к войне.

— Тогда нас была сотня, а теперь осталось всего лишь десять жриц. И то пять из них — старые немощные старухи, которые не смогут поднять меча, которые уже забыли магию.

Люмина и Веста кивнули. Моргана кивать не стала, а встала и вышла первой из кельи.

Серафина осталась стоять у окна. Луна уже зашла, звёзды потускнели. Через два часа должен наступить рассвет. Верховная жрица не собиралась спать.

Глава 2: Искусство Пламени

Утро в Храме Астарты начиналось с колокольного звона в Башне Приветствия. Его перезвон был не радостным и не печальным, а простым и настойчивым.

Веста проснулась до звона. Она просыпалась всегда рано, с первым желтым светом, который просачивался сквозь каменные ставни. Жрица лежала на спине, глядя в потолок, и думала — если это можно было назвать думой — о том, что лежит впереди.

Впереди был Зал Пламени. И впереди был разговор, которого она не хотела.

Веста спала голой, хотя обычно спит в одежде, но этой ночью жар, который жил в ней, поднялся выше обычного, и ткань стала невыносимой. Хранительница Огня сбросила рубаху ещё затемно и пролежала до утра, чувствуя, как огонь гуляет под кожей, не находя выхода.

Когда в дверь постучали, она села.

— Войди.

Дверь открылась, и в келью вошёл Кассий. Меч стоял у изголовья; Веста коснулась рукояти, прежде чем взяться за одежду.

Хранительница Огня натянула рубаху через голову. Ткань струилась по телу, облегла грудь, бедра, задерживалась на мгновение там, где кожа ещё хранила ночной жар. Потом она встала, подхватила с лавки пояс из красной кожи и затянула его на талии. Собрала в косу свои тяжёлые и длинные волосы. Кассий стоял у порога, не зная, как быть. Он старался на неё не смотреть.

— Верховная жрица просит всех собраться в Зале Совета, — сказал он.

— Просит или приказывает?

Веста спросила не из-за упрямства. Серафина никогда не любила приказывать. Она всегда просила, и в этих просьбах всегда было то, от чего отказываться было невозможно.

— Просит, — сказал Кассий.

Веста кивнула. Она встала, подошла к окну и отодвинула ставни. Снаружи расстился легкий туман, который держится над землёй, пока солнце не разгонит его. Вдали, за стенами храма, виднелись серые крыши города.

— Через час, — сказала она.

— Через полчаса.

— Через час.

Кассий замер в дверях. Веста, не оборачиваясь, приводила себя в порядок. Она слышала, как жрец неровно дышит. Чувствовала его страх, который затаился у него в груди. Кассий хотел что-то сказать ещё, но не решался.

— Иди, — сказала Хранительница Огня, и на лице проявилась улыбка. — Я приду через час.

Почти бесшумно Кассий покинул келью.

Зал Пламени находился в недрах земли. Сто сорок семь ступеней вели вниз. Веста знала их число с детства. Мать, которая была тогда Хранительницей Огня, водила её за руку, и маленькая девочка считала вслух, потому что считать было легче, чем бояться.

В тот утренний час жрица была одна. Она любила это время, раннее, когда ещё никто не спустился и огонь принадлежал только ей.

Веста подошла к жаровне ближе. Жар ударил в лицо, обожгло грудь и ладони. Хранительница Огня подняла руки ладонями вверх и прошептала слово, которое не имело букв, только звук, только дыхание, только желание.

— Войди.

Пламя дрогнуло. Оно всегда дрожало, когда женщина говорила это слово, не от ветра, ибо ветра здесь не было, а от того, что слушалось.

Веста работала с формой. Огонь, вырванный из жаровни, она сжимала в шар, вытягивала в нить, размазывала в плоскость. Шар служил для защиты, плоскость была для блокирования, нить предназначалась для удара. Хранительница Огня делала всё это, меняя конфигурацию каждые несколько ударов сердца, заставляя пламя подчиняться её воображению.

Руки уставали быстрее, чем дух. К концу часа они дрожали так, что жрица едва могла удержать чашу с водой, которую приносили служанки. Вода была ледяной — специально, чтобы охладить перегретые ладони. Веста пила её, чувствуя, как холодок спускается внутрь и противостоит накопленному жару.

Она поднималась по ступеням медленно, давая сердцу успокоиться. В коридоре наверху её ждал Кассий.

Юноша стоял у стены, не смея входить в зал без приглашения. Лицо его было бледным от встречи с Серафиной, догадалась Веста.

— Ты опоздала, — сказал он.

— Я знаю.

— Верховная жрица...

— ...поймёт, — закончила Веста. — Она всегда всё понимает.

Они шли по коридору бок о бок, не касаясь друг друга. Женщина чувствовала, как Кассий хочет спросить что-то, как он набирает воздух в грудь и выдыхает, не произнеся слова.

— Твоя младшая родная сестра, — сказал Кассий, когда они уже подходили к Залу Совета.

Веста остановилась. Жрец упёрся в её спину, которая стала стеной.

— Что с ней?

— Её видели у восточных ворот. С солдатом.

Веста повернулась. Посмотрела на Кассия, и юноша отступил на шаг — не от страха, скорее от осознания, что сказал слишком много.

— С каким солдатом?

— Из городской стражи. Он служит в чёрном взводе...

Она знала этого солдата. Видела его раньше. Не раз предупреждала сестру, что водиться с ним опасно. Но Илла игнорировала все её слова.

— Когда?

— Недавно. Они всё ещё должны быть там.

Веста ничего не ответила. Она прошла мимо Кассия, жестом попросив его отодвинуться в сторону.

Восточные ворота храма вели в Сад Покаяния, небольшой участок земли, где росли деревья, которые никто не сажал. Они росли сами, дикие, с колючими ветвями и горькими плодами. Говорили, что здесь казнили предателей храма давным-давно, когда казни ещё практиковали. Говорили, что кровь пропитала землю и ночью в день почитания мёртвых можно услышать их мольбу о прощении.

Веста не верила этим сказкам. Хранительница Огня знала, что деревья были такими всегда, просто разновидность такая, приспособленная к каменистой почве.

Веста нашла их у дальней стены. Солдат стоял спиной к ней, и его руки лежали на плечах её сестры. Хранительница Огня не стала ничего говорить им. Она только шла вперёд, и каждый шаг становился тяжелее, как ход времени в самый жаркий полдень, когда даже тени замирают на месте.

Сад молчал. Не было ничего: ни птиц, ни ветра. Она слышала только далёкий гул города за стенами, только своё дыхание, только стук крови в висках, который, казалось, слышали все трое.

Солдат обернулся. Лицо его было точно таким, каким она помнила. Оно было сытое, надменное, обрюзгшее от дармовой пищи. Маленькие и блестящие глаза смотрели на неё с ленивой усмешкой.

— Жрица, — сказал он. — Или как вас там...

Веста не взглянула на него. Она смотрела на свою сестру.

Илле было шестнадцать. Девушка была на шесть лет моложе старшей сестры и оставалась пока послушницей, ученицей, не принявшей ещё полного посвящения. Для Весты она была единственной семьёй, единственной живой нитью, тянувшейся из детства.

Сейчас девушка стояла, прижавшись к солдату, и лицо её было спокойным, почти счастливым, будто она и не думала, что кто-то может застать её здесь. Потом она подняла глаза и увидела сестру. Улыбка сползла с губ, но было уже слишком поздно для того, чтобы сделать вид, будто ничего не случилось.

— Сестра, — сказала Илла. — Я... мы...

Она не слушала уже ничего. Вместо привычного жара в груди разрастался гнев — холодный, плотный, как ледяная гладь. Огонь остался там, где ему и положено быть, в недрах храма. А сейчас его правил древний и безжалостный гнев.

— Ты знаешь, кто он? — спросила Веста.

— Да, он... он любит меня, — сказала Илла.

Веста смотрела на неё. На ту, ради кого она выучилась быть сильной. Кого укрывала от всего: от утраты матери, от пустоты вместо отца, от мира, где каждое тепло продаётся, а каждая нежность — только начало торга.

— Он женат. У него двое детей. Ты же знаешь, что бывает с теми, кто разрушает семьи.

Лицо солдата изменилось. Усмешка сползла с него, как грязь под дождём, и под ней оказалось раздражение — мелкое и жалкое, какое бывает у ребёнка, которого застали за воровством сладостей.

— Ты ничего не знаешь, — сказал солдат.

— Я знаю, что ты касался её. Вы нарушили самый главный запрет Храма. Я всё знаю.

Солдат побледнел. Он открыл рот, но не сказал ничего. Его глаза забегали по сторонам — к воротам, к стене, к колючим кустам, потом снова к Весте. В них не было уже той усмешки и самоуверенности, было одно только желание, которое она умелачитать не хуже, чем огонь в жаровне.

Хранительница Огня смотрела на солдата: как он строит план своих действий, как продумывает свои возможности. Веста не торопилась. Ей нравилось смотреть на его метания. Тишина в саду была такой полной, что было слышно, как ветер шевелит сухие колочки на ветвях и как дышит за спиной Илла, как зверёк, попавший в западню.

В мгновение Веста подняла руку.

Хранительница Огня не стала вызывать огонь. Вместо этого она нашла огонь в солдате.

Каждое живое тело горит. Веста чувствовала это тепло всегда, как слепой чувствует солнце на лице. Она коснулась его — того огня, что тлел глубоко внутри под кожей, который он наел за годы безнаказанности. Коснулась и раздула.

Солдат задышал чаще. Он не понимал, что происходит, только чувствовал, как жар поднимается в нём, растекается по груди, поднимается к горлу.

— Что... — начал он.

Веста смотрела солдату в глаза. Её собственные зрачки расширились, стали чёрными, и в этой черноте не было ничего, кроме огня, который она держала на кончиках пальцев.

Огонь рос в нём. Снаружи ничего не менялось. Кожа оставалась целой, одежда не тлела, — но внутри жар поднимался всё выше, и лицо солдата наливалось багровым цветом, дыхание стало хриплым, а руки вцепились в собственную грудь, будто он хотел вырвать оттуда то, что не мог остановить.

Солдат упал на колени. Попытался сказать что-то, но язык не слушался, а из горла вырывался только сиплый звук.

Хранительница Огня стояла над ним. Она чувствовала, как он умирает. Как сердце ударяет в последний раз, как тепло уходит из него. Вскоре солдат лежал на земле и не двигался. Внешне он был цел, но внутри он был выжжен пламенем гнева.

Веста обернулась к Илле.

Девушка стояла, прижав руки к лицу. Её глаза были широкими и бездонными, которые Веста никогда не видела.

— Ты... — прошептала Илла.

— Я предупредила тебя.

— Ты убила его.

— Он был мёртв, когда только коснулся тебя. Я только ускорила процесс.

Илла закрыла руками лицо. Она не плакала — только плечи её вздрагивали, без звука, без слёз.

Веста подошла к ней. Хранительница Огня хотела коснуться плеча сестры, волос её, но руки были горячими, ещё не остывшими от смерти солдата. И она не посмела этого сделать. Так и стояла рядом, не приближаясь и не отступая.

— Если бы это дошло до суда, тебя бы казнили. Ты знаешь закон: послушница, разрушившая семью, лишается права на посвящение и уходит в земли. Я не могла позволить себе потерять сестру. Не после того, как мы уже потеряли мать. Не после всего, что мы пережили. Ты — единственное, что у меня осталось.

Илла опустила руки.

— А теперь? — спросила она. — Что со мной теперь будет?

Веста не проронила ни слова. Позади раздалися шаги.

Серафина остановилась у поворота, в тени стены, что давно уже рухнула наполовину. Долго ли Верховная жрица пребывала там, Веста не ведала.

— Собрание, — промолвила Серафина. — Мы ждём тебя, сестра.

Веста обвела взглядом Иллу, потом поверженного солдата, потом обратилась к Серафине.

— Уведи её.

— Хорошо, а ты не задерживайся! Совет уже идёт.

Серафина приблизилась к Илле и взяла её за руку. Та подняла глаза на Весту. Она ни слова не сказала, ни единого звука не вымолвила, только смотрела на неё. Через несколько секунд отвернулась и пошла за Верховной жрицей. Шаги их затихли среди колючих деревьев, и скоро в саду не стало слышно ничего, кроме ветра.

Веста осталась одна с убитым солдатом.

Хранительница Огня не стала больше глядеть на него.

Потом дочь огня повернулась и пошла к Залу Совета, оставив тело солдата там, где оно упало. В Саду Покаяния было тихо, и никто не видел, как она уходила.

У ворот Весту встретил Кассий. Юноша стоял, прислонившись к колонне. Он взглянул на неё, но ни о чём не спросил — только посторонился, пропуская вперёд.

— Серафина в Зале, — сказал жрец.

Веста кивнула и вошла.

Коридоры храма были пусты. Масляные лампы ещё горели в нишах, и свет их ложился на стены жёлтыми кругами. Где-то в дальних помещениях слышались голоса служанок, но здесь, в главной части храма, было тихо, как в тот час, когда даже боги дремлют.

Зал Совета находился в северном крыле. Веста толкнула дверь и вошла.

Серафина стояла у окна. Люмина сидела на скамье у стены, обхватив колени руками. Моргана, закутанная в тёмный плащ, сидела в кресле у камина, где догорали последние угли.

Верховная жрица обернулась.

— Садись, сестра, — сказала она. — Нам нужно поговорить.

Веста подошла к столу и села. Внизу, под храмом, в Зале Пламени, она чувствовала огонь — далёкий, терпеливый и единственный, который никогда её не предавал. Но сейчас она была здесь.

Серафина смотрела на Хранительницу Огня.

— Пока тебя не было, мы не начинали, — сказала Верховная жрица.

Глава 3: Совет

Зал Совета был небольшой. Четыре стены, восемь кресел, стол из дуба, который помнили ещё те жрицы, чьи имена теперь были высечены на каменных плитах. Одно окно выходило на внутренний двор, где росло дерево, посаженное при основании храма. Дерево это засохло уже двадцать лет назад, но никто не решался срубить его. Так оно и стояло, чёрное и голое, как память о том, что никакая жизнь не длится вечно.

Серафина говорила тихо. Но в Зале Совета стояла глубокая тишина, поэтому каждое слово Верховной жрицы было слышно так же ясно, как падение капли в пустой сосуд.

— Люмина видела во сне Инквизитора. Он назвал себя Вектором и сказал, что мы все умрём. Это было прошлой ночью. С тех пор прошло восемь часов. За это время я успела посмотреть свитки, которые хранятся в Башне Памяти.

Серафина повернулась. Лицо её было бледным от бессонницы.

— Инквизиторы погибли в битве при Храме Изобилия. Я была там. Мы все были там, кто ещё жив. Тела их были сожжены, прах развеян над рекой. Но в свитках есть запись о том, что один из них не был найден. Вектор — командующий южным крылом. Его тела не было среди погибших.

— Значит, он может быть жив, — подвела итог Веста.

— Да, может. И он помнит, кто разрушил его орден.

Верховная жрица подошла к столу и положила на него свиток. Он был свежим, и на нем была восковая печать города.

— Сообщение пришло час назад. Военный лагерь Императора-Недостойного снялся с места у северных границ и движется на юг. По расчётам гонцов, они будут у стен города через два дня. Они сжигают все храмы и города на своем пути. Мы следующие.

Люмина подняла голову. Лицо её было бледным, как у Серафины, а взгляд устремлен вперёд, в каменные стены.

— Во сне я видела толпу за ним, — сказала она. — Много людей.

— Армия Императора, — сказала Моргана. Голос её был тих, как всегда, но в нём слышалась тяжесть. — Возможно, вместе с ними идет Вектор. Их теперь больше, чем было тогда. И мы не сможем выстоять.

— Возможно, или нет, — сказала Серафина, — но нам нужно готовиться. Я приказываю: храм переходит в осадное положение. Все послушницы и служанки отправляются в город, к родственникам или в приют при Храме Милосердия. Остаются только те, кто может держать оружие или совершать ритуалы.

— Жрецы? — спросила Веста.

— Аррей, Кассий, Тиберий и Люций остаются. Они будут защищать святилища. Мы четверо будем защищать храм, если это потребуется.

Веста хотела возразить, но увидела, как смотрит на неё Верховная жрица, и промолчала. Она не спрашивала совета. Она объявляла решение, принятое ещё ночью.

— Моргана, — сказала Серафина, — тебе поручается ритуал исцеления для Каллиопы. Она старейшая из живущих жриц. К тому же она единственная, кто когда-либо вел боевые действия, была главнокомандующей в той битве. Если Вектор придёт, Каллиопа — единственная, кто знает его тактику и подскажет нам, как действовать.

Моргана кивнула. Она не возразила, что Каллиопа слишком стара, чтобы её исцеление имело смысл. Жрица Крови просто кивнула.

— Люмина, — продолжала Серафина, — ты будешь следить за снами. Если Вектор снова явится тебе, ты должна узнать: где он, сколько с ним людей. Это опасно — никто не знает, что бывает с той, кто проникает в сон Инквизитора, но другого пути нет.

Люмина сжала колени крепче, но кивнула.

— Веста, — сказала Серафина, — ты готовишь Зал Пламени к обороне. Если армия придёт с севера, ты будешь первой линией.

Хранительница Огня кивнула.

— Я пойду к страже, — сказала Серафина. — Пусть готовятся к войне.

Верховная жрица посмотрела на каждую из сестер: на Люмину, на Моргану и на Весту. Взгляд её останавливался на каждой только на мгновение, но в этом коротком взгляде было всё, что нельзя назвать словами, потому что слова для таких вещей слишком сложно подобрать.

— Расходимся. До заката собираемся снова — доложите, что сделано.

Люмина вышла первой — лёгкими, почти бесшумными шагами, как тень, которая скользит по стене. Моргану поднялась медленно, поправила плащ, запахнулась поплотнее и ушла, не глядя на сестёр.

Веста осталась. Она сидела в своём кресле у двери и смотрела, как Серафина складывает свитки, готовясь уйти.

— Постой, я должна тебе всё объяснить... — начала Веста.

— Нет, — не оборачиваясь, ответила Серафина. — Не сейчас.

— Должна была их остановить, прежде чем все узнают об этом. Я только...

Серафина обернулась. Лицо её было спокойным — таким спокойным, каким оно бывает у тех, кто уже всё обдумал и не хочет возвращаться к обдуманному. Но в глазах её была глубокая усталость. Она была как колодец, в котором не видно дна.

— Я знаю, что ты сделала. Я знаю, почему ты это сделала. И я знаю, что твоя сестра жива благодаря этому, а не благодаря твоей мудрости. Но сейчас главное не это.

Веста замерла. Она готовилась к упрёкам, к наказанию, к тому, что Серафина скажет: «Ты не права, ты согрешила, ты должна покаяться». Но Верховная жрица говорила другое.

— Главное другое, — сказала Серафина. — Позже мы накажем твою сестру. За глупость, за риск, за то, что она поставила себя выше храма. Но сейчас к нам движется огромная армия.

Верховная жрица подошла к двери, остановилась рядом с Вестой. Рука её легла на плечо младшей жрицы — легко, почти не касаясь, как кладут руку на плечо того, кто идёт в бой и может не вернуться.

— Готовь Зал Пламени, сестра. И не думай о том, что было. Думай о том, что будет.

После этих слов Серафина ушла, и Веста осталась в Зале Совета одна. Камин почти догорел, угли потрескивали, рассыпаясь в пепел. Серый свет утра ложился на дубовый стол, на пустые кресла, на лицо Весты, которая сидела неподвижно, глядя на сухое дерево за окном.

Серафина направилась к южному крылу, где находилась стража храма. Коридоры были пусты — служанки уже разошлись по своим делам, послушницы готовились к отправлению в город, и только шаги Верховной жрицы отражались от каменных стен.

На полпути она встретила Люция. Старый жрец шёл навстречу, и лицо его было озабоченным.

— Люций, — сказала Серафина, останавливаясь. — Ты мне нужен.

Он остановился и поклонился — неглубоко, по-старчески, но с достоинством.

— Слушаю, Верховная жрица.

— Я иду к страже. А ты сходи к Чёрному и Огненному взводам. Напомни наёмникам об их уговоре с храмом. Скажи, что плата будет удвоена, если они выступят вместе с нами.

Люций помолчал. Потом склонил голову.

— Хорошо, Верховная жрица, — сказал он.

— И ещё, — добавила Серафина. — Будь осторожен. Они не наши сёстры, а наёмные убийцы.

— Я знаю, — сказал Люций. — Я знаю их лучше, чем вы.

Жрец повернулся и пошёл к внешним воротам, а Серафина продолжила свой путь к южному крылу.

За южным крылом, там, где внешняя стена отступала от внутренней, открывался широкий двор. Здесь, под открытым небом, стоял лагерь храмовой стражи. Этот двор был устроен для тренировок — достаточно широкий, чтобы тридцать человек могли развернуться, и достаточно защищённый, чтобы никто снаружи не мог видеть, что делается внутри. Серафина вошла туда через главный вход: Верховная жрица не прячется, она идёт к ним сама.

На площадке стояли тридцать человек в серых мантиях. Они клялись защищать святилище, и эта клятва делала их другими, чем наёмники, которые служили за плату, а не за веру.

Командующий стражей, мужчина по имени Тавор, стоял впереди, разглядывая лезвие меча на свету. Он поднял глаза, когда Серафина вошла, и удивился. Жрицы редко приходили в лагерь стражи.

— Верховная жрица, — сказал Тавор. Он не поклонился — стража не кланялась никому, кроме богини.

— Храм готовится к осаде, — сказала Серафина. — Армия Императора идёт с севера. Через два дня они будут у стен города.

Тавор не выразил ни удивления, ни страха. Он посмотрел на своих людей, потом снова на Серафину.

— Нас тридцать. Мы отдадим за святилище свои жизни.

— Я знаю, — сказала Серафина. — Но вы должны будете защищать город. Там у нас останутся послушницы и все, кто не вхож в храм. А Святилище будут охранять жрецы.

— Да, Верховная жрица. Я непременно отдам приказ.

Серафина повернулась и ушла так же спокойно, как пришла. Тавор провожал её взглядом. В его глазах читалось то чувство, которое испытывают люди, твёрдо выбравшие свой путь и не сожалеющие о своём решении.

Люций тем временем вышел за пределы храмовой стены. Там, у ручья, в тени старых ив, стоял лагерь Чёрного взвода. Жрец не любил этих людей. Они не клялись богине, не носили её знаков на коже. Они носили доспехи, которые можно было снять, и мечи, которые можно было направить в другую сторону, если заплатят больше. Но сейчас, когда речь шла о нескольких тысячах против тридцати, даже наёмники были нужны.

Он нашёл командующего у палатки — мужчину по имени Орсен, высокого, с лицом, испещрённым шрамами от оспы. Он ел жареную курицу, не дожидаясь, пока она остынет.

— Жрец, — не вставая, сказал Орсен. — Редкое явление для этого места.

— Храм нанимает твой взвод на войну, — сказал Люций. — Плата будет удвоена.

— Война — дело хорошее, — сказал Орсен. — Но есть условие.

Он откусил кусок, жевал медленно, не сводя глаз с Люция.

— Сегодня утром в Саду Покаяния был найден мёртвым мой солдат. Сердце остановилось, сказали лекари. Но я знаю: сердце не останавливается просто так у здорового воина. Значит, кто-то его остановил. А на это способны только жрицы.

Люций молчал.

— Я хочу, чтобы виновная в его гибели была приведена сюда. Мы её сами накажем и только после этого пойдём защищать ваш храм. Иначе мои люди не сделают ни единого взмаха мечом в сторону врага.

— Я передам твоё требование Верховной жрице, — сказал Люций.

— Передай.

Люций отправился к Огненному взводу. Те приняли предложение Верховной жрицы без лишних слов. Наёмники Огненного всегда были проще в делах, чем их чёрные собратья, и не торговались там, где речь шла о деньгах и крови.

Покончив с этим, Люций повернул обратно к храму. Он шёл не спеша, и мысли его были тяжелы, как камни. Орсен требовал наказания, Веста убила солдата, Серафина откладывала суд до лучших времён, а лучших времён, может быть, уже не будет.

Он вошёл в ворота храма, и тьма коридоров поглотила его.

Глава 4: Цена Жертвы

Моргана спустилась в Покои Уходящих — комнаты под западным крылом. Там жили жрицы, готовящиеся уйти к своей богине. Здесь было тихо, пахло травами и старостью. А свет проникал сквозь узкие окна, которые выходили на внутренний двор, где никогда не бывало солнца.

Каллиопа лежала на ложе у самой стены. Ей было девяносто четыре года, и она была старейшей из живущих в храме. В молодости она была красива. Это видно было даже сейчас, в обвисших щеках, в сухих губах, в глазах, зрачки которых помутнели, но ещё видели.

— Зачем ты пришла? — сказала Каллиопа. Голос её был похож на шёпот, на шум песка, на шелест сухой травы.

— У нас проблемы, — ответила Моргана.

Жрица Крови села на скамью у ложа и положила руки на колени.

— Я ведь умираю, — сказала Каллиопа. — Чем старуха сможет вам помочь?

— К воротам храма идет армия Императора Недостойного, а с ним инквизитор Вектор, — сказала Моргана.

— Сочувствую вам, сестры. Тяжелое время вам выпадает. Но старуха вам ничем не поможет.

Моргана ненадолго замолчала, раздумывая над ответом.

— Ты была главнокомандующей в битве при Храме Изобилия. Ты знаешь, как нужно воевать. Ты — единственная, кто может нас научить этому делу.

Каллиопа рассмеялась — сухо, без звука, только движение грудной клетки и лёгкое шипение, похожее на выдох.

— Научить? Я не могу подняться с ложа, дитя моё. Да и память меня подводит уже. Военному делу одним днем тоже не научишься.

— Мы покажем тебе карты. Ты сможешь организовать защиту храма.

— Ой, вряд ли я смогу вам сильно помочь...

Моргана молчала. Она знала, что Каллиопа права, — старуха умирала, и никакие слова не могли остановить это. Здесь могло помочь только Искусство Жертвы.

Это было самое древнее из искусств, самое тяжёлое и жестокое к тому, кто им владеет. Огню можно научиться, если есть дар. Теням — если есть чуткость. Зеркалам — если есть воля. Но Жертве нельзя научиться. Ею можно только обладать, как обладают болезнью или благословением, которое не выбирают.

Моргана владела им. Она могла передавать свою жизнь — не всю, но часть. Годы, месяцы, дни.

— Я могу дать тебе время, — сказала Моргана.

Каллиопа замерла. Глаза её, мутные от катаракты, вдруг стали острыми, как у птицы, которая видит добычу на другой стороне поля.

— Искусство Жертвы, — прошептала она. — Я думала, оно умерло с твоей матерью.

— Нет, — сказала Моргана. — Я три года назад его пробудила в себе.

— Нет, дитя моё! Пару месяцев не сильно смогут на меня подействовать, а больше тебе не дать мне...

— Верховная жрица сказала, значит, я должна выполнить. Я дам тебе не пару месяцев, я дам тебе пару лет. И это никак не обсуждается!

Жрица Крови поднялась. Она не стала спрашивать разрешения у Каллиопы — старуха хотела жить, это было видно по её глазам, по тому, как она вцепилась в край ложа. Не спросила разрешения у богини — Астарта не вмешивалась в такие мелочные дела, оставляя их своим

дочерям. Моргана просто делала то, что должна была сделать. Другого способа спасти храм не было.

Она развязала пояс плаща. Потом сняла тунику, осталась в одном льняном подряснике, который не скрывал линий её тела: худого, жёсткого, с тонкими рёбрами и впалым животом, какие бывают у тех, кто много отдаёт и мало берёт себе взамен.

Люций ждал у двери. Моргана просила его заранее, ещё до того, как вошла к Каллиопе. Жрец был нужен как проводник, как мост между её жизнью и жизнью умирающей старухи.

Он молча вошёл, остановив свой взгляд на теле Морганы.

Жрица Крови опустилась на пол рядом с кроватью. Холод сразу пробрался сквозь тонкую ткань её одежды и коснулся коленей, а потом добрался и до бёдер. Люций лёг между жрицами. Левая его рука легла на грудь Морганы, правая — на грудь Каллиопы.

— Начинаем, — сказала Моргана.

Люций закрыл глаза, и на лбу у него сразу выступили капли пота, эти капли блестели в свете лампы как маленькие прозрачные бусины. Моргана тоже закрыла глаза. Лицо у неё стало спокойным — таким бывает лицо человека, который ныряет в холодную воду и знает, что обратного пути уже нет.

В комнате настала тишина, было слышно, как горит лампа — как масло в ней потрескивает и как фитиль тихонько шипит.

Моргана вздохнула, это был неглубокий вздох. И в тот же миг пальцы Люция дрогнули. Сначала на левой руке, потом на правой, и между этими двумя дрожаниями, которые длились не дольше одного удара сердца. В этот момент что-то начало перетекать из одного тела в другое, через Люция, как вода перетекает через мост.

Одеяло на груди Каллиопы поднялось. Она вздохнула, но это был уже не тот короткий сухой вздох умирающего, а глубокий ровный вздох человека, который просто спит и никуда не торопится.

Через несколько минут Люций открыл глаза, но руки его всё ещё лежали на груди у женщин. Он, молча, смотрел на лампу, но, кажется, её не видел.

Каллиопа вздрогнула. Она это сделала впервые за многие недели — её тело, уснувшее перед смертью, почувствовало прилив сил. Цвет вернулся в её щёки, дыхание углубилось, глаза открылись шире и стали видеть чётче.

Люций убрал руки. Встал и отошёл к стене, опёрся об неё — проводничество изматывало его.

— Сколько? — спросил он.

— Что сколько? Отдала? Три года, — сказала Моргана.

Жрица Крови сидела на полу, обхватив руками колени, и в свете лампы было видно, что лицо у неё стало белее, а на лбу проявились первые морщинки.

Моргана не ответила. Она знала, что отняла у себя не три года. Жертва так не работала. Отдавая три года Каллиопе, она отняла у себя шесть лет. Жизнь не делилась аккуратно, как хлеб на равные куски.

— Спасибо, — сказала Каллиопа. — Чувствую себя намного лучше. Помогите мне встать, дитя моё. А теперь ступай. Я прибуду в покои Серафины самостоятельно.

Моргана кивнула. Она вышла из Покоев Уходящих, и Люций вышел за ней. Они шли по коридору молча — двое старых людей: один шестьдесят три, другая — которая только что стала старше на шесть лет.

— Ты сделала правильно, — сказал Люций, когда они дошли до лестницы.

— Я сделала необходимое, — сказала Моргана. — Это не всегда одно и то же.

Они разошлись: Люций к Серафине, чтобы доложить о требовании Орсена, Моргана — к своим покоям, чтобы лечь, отоспаться, подготовиться к завтрашнему дню.

Веста тем временем работала в Зале Пламени. Она не знала о Жертве Морганы, не знала о требовании наёмника, не знала о многом, что происходило в храме в этот час. Она знала только огонь, который ждал её внизу, и готовила его к тому, чтобы жечь.

А где-то на севере, за горами и за лесами, шла армия. И впереди неё шёл человек без лица.

Глава 5: Пламя и пепел

На закате Серафина стояла на самой высокой башне храма, и свиток в её руке был ещё тёплым. На свитке было всего несколько слов, выписанных коротким, ровным почерком городского стража: «Мы ошиблись. Они подойдут уже сегодня».

Верховная жрица сложила свиток, спрятала за пояс и спустилась по лестнице. Коридоры храма гудели тишиной, которая предшествует беде. Шаги отдавались от каменных стен, множились, и казалось, что за спиной идёт ещё кто-то.

В Зале Совета собрались все. Веста стояла у входа в Зал Пламени — её рука лежала на каменном косяке, и под пальцами медленно растекалось тепло. Моргана сидела в кресле, закутанная в тёмный плащ, и рядом с ней, опираясь на посох, стояла Каллиопа. Старуха смотрела вперёд, и её глаза были острыми, как лёд. Люмина стояла лицом к окну.

Кассий, Арей, Тиберий и Люций стояли позади, в белых ритуальных рясах, поверх которых уже были надеты кожаные доспехи. Все молчали. Им нечего было сказать. Война уже стояла у их порога.

Тавор вошёл последним. Его левая рука была перевязана, повязка пропиталась кровью, двух пальцев на руке не было. Но лицо его было спокойным.

— Городская стража пока держит север, — сказала Серафина. — Но людей мало. Мы должны помочь им.

Она посмотрела на каждую из сестёр. На Весту, на Моргану, на Люмину. Взглянула на жрецов, потом перевела взгляд на Тавора.

— Веста идёт со мной на северные ворота. Моргана — к восточным, со жрецами. Люмина — в башню. Твоё Искусство Теней нужно там, где меч бессилён.

Люмина, не оборачиваясь, кивнула.

— Напрасно не рискуем жизнями, — сказала Серафина. — И помните: храм — это не стены. Храм — это мы, поэтому если видите, что ситуация безвыходная, уходите.

Северные ворота рухнули за полчаса.

Таран, огромное бревно, обитое железом, ударил в дубовые створки раз, другой, третий. Древо, державшееся века, треснуло, и ворота развалились с лязгом, похожим на крик. За ними текла масса солдат в чёрных доспехах, с длинными копьями и тяжёлыми щитами. Они шли плотно, приставным шагом. В первых рядах шли арбалетчики со взведёнными механизмами, за ними шагали мечники с широкими лезвиями, отточенными до блеска. Всё это войско двигалось не спеша.

Городская стража выстроилась цепью поперёк улицы. За ними стояли баррикады из повозок, мешков с песком и досок. Первая волна нападающих налетела на колья и гвозди, вбитые в дерево, и пала, но следующая шла поверх тел. Копья ломались, щиты трескались, люди падали. А толпа снова наваливалась, будто сила была не в каждом отдельном человеке, а в их количестве.

Серафина пришла, когда вторая баррикада уже стонала. Она шла по крышам, перепрыгивала с одной на другую. Соскочила на брус прямо перед строем стражи. Меч её вышел из ножен.

Жрица рубила врага, словно всю жизнь только этим и занималась. Первый порез по горлу. Второй удар в плечо. Третьему отрубила ногу одним верным движением. Движения её были точны. Кровь брызгала на её лицо, на руки, на белую тунику, но она не останавливалась. Толпа отхлынула на мгновение, и в этом мгновении Тавор крикнул:

— Назад! Отступаем!

Они не убегали, они отступали. Шаг за шагом, переправляя раненых к следующей баррикаде. На улице Верфее их встретили кузнецы с молотами, грузчики с крюками, женщины с рыбными ножами. Кровь проливалась на мостовую, кто-то рубил, кто-то падал, а кто-то кричал

последнее имя. Кузнец с рыжей бородой обрушил молот на голову нападавшего, но рядом нож выскользнул из чьей-то руки и пронзил его горло. Женщина в синем платье схватила врага и вонзила нож ему в глаз, но погибла сама, стоя, с ножом в груди.

Серафина держалась там десять минут. Потом Тавор снова скомандовал отступление.

Веста появилась на площади как огненная вспышка. Она спрыгнула с крыши рядом с Серафиной, и земля под её ногами задымилась. Лицо Хранительницы Огня было бледным, глаза чёрными и бездонными, как колодцы, в которых не видно дна.

— Ко мне, — прошептала она.

Огонь послушался. Он стекся к ней из всех ламп, из костров, из жаровен, оставленных в домах. Он собрался над её головой в белый кружащийся шар. Веста взмахнула руками и направила его в толпу врага.

Шар упал и разорвался о камень. Пламя разлилось волной, и люди, стоявшие близко, сгорели мгновенно. Даже крик не успел вырваться из их глоток. Другие горели и бежали, пытаясь потушить одежду о землю, о стены и друг о друга. Воздух наполнился запахом горелого мяса и волос. А крики резали уши.

Веста опустила на колени. Кровь выступила у неё из носа и из ушей, потекла по губам тонкими струйками. Хранительница Огня поднялась, собрала огонь снова, но уже меньшим объёмом и бросила ещё раз. Пламя ударило в баррикаду, за которой прятались нападающие. Дерево мгновенно вспыхнуло, как солома.

На лбу Весты выступил пот, мышцы дрожали. После очередного броска она пошатнулась и упала бы, если бы Серафина не подхватила её.

— Я в порядке, — прошептала Веста, но глаза её закрывались, а тело тяжело.

Серафина взвалила сестру на плечо и понесла к храму. Огонь позади них ещё горел. Толпа отступила, и этого было достаточно, чтобы стража успела перегруппироваться.

Восточные ворота ещё держались, хотя там стояли отборные воины Императора в закалённых синих доспехах. Их отряд был более опытным, бойцы знали, как отвечать на каждый выпад. Моргана стояла у баррикады, Говор рядом. За ними стояли сорок наёмников Огненного взвода.

Арбалеты стреляли с крыш, и стрелы, попадавшие в цель, ломали колени и пробивали щиты врага. Когда воины Императора ударили в баррикаду, она задрожала, но не сдалась. Моргана прыгнула на бревно, свесилась вниз и рубила кому горло, кому руку, а кому-то и бедро. Её меч резал короткие глубокие линии.

Один из врагов прорвался в щель. Моргана встретила его клинком, но второй ударил её сбоку. Доспех принял удар, но его сила отбросила Жрицу Крови назад. Она поднялась, подпрыгнула, уходя от следующего удара, и снова встала в строй. Кровь текла под пластинами доспеха, горячая и липкая, но Моргана не обращала на неё внимания. Говор рубил сверху, она — снизу, и вместе они закрывали щели, куда враг пытался просочиться.

Когда пришёл приказ отступить к храмовым воротам, Моргана не стала спорить. Она подхватила раненого наёмника и пошла, не оборачиваясь, назад. Позади горели дома, трещали балки, и дым застилал небо.

Люмина лежала в башне на холодном каменном полу. Глаза её были закрыты, но она не спала. Жрица Лунного пути шла по чужим снам.

Она вошла в сознание командира вражеского отряда. Увидела там его дочь, маленькую девочку с косичками, которая ждала отца дома. Люмина коснулась этого образа, и командир замедлил шаг. Она вошла в сон солдата, который нёс лестницу к стене, — и показала ему брата, погибшего три года назад. Солдат остановился, опустил лестницу и сел на землю.

Каждый сон отнимал у Люмины частицу. Она чувствовала, как внутри неё разрастается пустота — холодная, звенящая, похожая на колодец, в который бросили камень и не услышали плеска.

Чёрный взвод Орсена стоял у южных ворот. Его люди не вступали в бой. Орсен сидел на коне и смотрел на пламя далеко на западе. Когда проскакавший стражник крикнул, что ворота храма под осадой, Орсен лишь сплюнул на мостовую.

— Всем стоять на своих местах, — сказал он.

Внутренние ворота храма закрылись за последними, кто успел забежать. За дубовыми створами были те, кого ещё можно было считать живыми: Серафина с Вестой на плече, Моргана, прижимающая руку к раненому боку, Тавор с окровавленной повязкой, Люций с перевязанной грудью, где металл пробил кожу. Всего было девять жриц, четыре жреца, семнадцать стражников.

За воротами шумела толпа. Она давила, рычала, царапала дерево ногтями и лезвиями.

Каллиопа стояла посреди двора. Глаза её горели, руки дрожали, а спина была прямой. Она раскинула руки в стороны, собирая последние свои силы и силы старых жриц, которые лежали в Покоях Уходящих.

— Путь в катакомбы открыт, — сказал Люций, спускаясь из башни.

— Уходите, сёстры, — сказала Каллиопа. — Я задержу их.

Никто не спорил. Слова были чёткими и ясными, как удар хлыста. Люди бросились к узким лестницам, к входу в катакомбы, что простирались под всем храмом.

Когда все спустились вниз, Каллиопа вышла в центр зала. Её тело объяла белоснежная волна магии жриц. Она подняла её к потолку и взорвалась, снося всё на своём пути.

Волна магии выбросила ворота наружу, разорвала тех, кто стоял у них, и тех, кто пытался пролезть внутрь. От Каллиопы не осталось ничего — только пепел, смешанный с кусками плоти её врагов.

В катакомбах было темно и сыро. Стены из грубого камня блестели от влаги, и вода капала с потолка, отсчитывая время. Серафина шла первой, неся на плече Весту. Моргана шла за ней, прижимая руку к боку, и каждый её шаг оставлял на камне тёмное пятно крови. Люмина замыкала шествие, и её глаза были пустыми.

Жрецов с ними не было. Серафина отправила их вперёд, с остальными жрицами и служанками, которые успели уйти в катакомбы до того, как рухнули внутренние ворота. Арей повёл их западным ходом, к выходу за городской стеной. Тиберий нёс на руках раненую послушницу. Люций замыкал шествие с мечом в руке и молитвой на губах. Серафина знала: Вектору нужны четверо. Те, кто останется рядом с ней, Вестой, Морганой и Люминой, станут его мишенью. Поэтому так будет лучше для всех.

Когда шаги затихли и катакомбы поглотили их, Серафина остановилась. Она опустила Весту на каменный пол и села рядом, прислонившись спиной к стене.

— Можно отдохнуть, — сказала она.

Моргана подняла голову.

— Ты думаешь? — спросила она. — Сейчас над нами одни обломки остались. Мы потеряли Храм. Как ты можешь говорить об отдыхе?

— А если мы не будем отдыхать, то просто сами себя изведём! Вектору даже не потребуется за нами охотиться. Сами выйдем к нему как крысы, которые наелись яда.

— Моргана, сестра права, — впервые за всё время вымолвила Люмина.

Серафина кивнула в знак благодарности за поддержку.

Где-то наверху, над их головами, горел храм. Где-то там остались те, кого они больше не увидят. Но здесь, внизу, в сырой темноте катакомб, их было только четверо. И это было всё, что осталось от Храма Астарты.

Жрицы сидели и молчали. Их взгляд был устремлен в пол. Так они просидели около часа.

— Встаём, — сказала Серафина. — Нам нужно идти дальше.

Верховная жрица поднялась первая, протянула руку Весте. Та открыла свои мутные и невидящие, но ещё живые глаза. И они пошли дальше, в темноту, которая обещала не спасение, а только отсрочку.

За их спинами догорал храм. Пламя лизало стены, зеркала трескались и падали. В их отражениях в последний раз мелькали лица тех, кого больше не было.

Астарта смотрела на это с небес и молчала. Боги не вмешиваются в дела смертных. Даже когда их храмы горят.

Часть 2: Кровавая связь

«Боль — это не наказание, а доказательство жизни. Жертва — не грех и не подвиг. Она — язык, на котором тела говорят с душами. Когда одна истекает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.